

Матьяна Миронова

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Хорошо помню особый сердечный трепет при первой встрече с Валентином Григорьевичем, и не отстраненной встрече, а соприкосновенной. Когда подошел, внимательно посмотрел, что-то сказал. И как посмотрел – было важно, потому что устанавливалась внутренняя связь – взаимопонимания. А что сказал – не важно. Тогда – не важно было. Думаю, и слух мой был отверст только для обертонов его голоса, а не для смысла сказанных слов. Да и что мог ВГ сказать при первой встрече мне, не знакомой, а только рядом стоящей с мужем – писателем Александром Семеновым, которого ВГ знал и ценил за творческий дар, миро-воззренческое сходство.

Именно первая встреча в 1990-м году положила прочное начало нашим самым сердечным отношениям. Первый трепет перерос в радостное волнение каждой новой встречи. И однажды я сказала Валентину Григорьевичу, что в моей душе, в самом сокровенном уголке есть место, которое занимает только он. И как бы ни был велик наш русский язык, не всегда удастся передать словами чувства – их палитра настолько сложна и многогранна, они находятся на таком тонком, порой интуитивном уровне, что нет слов. Он понял меня, внимательно посмотрел, поверил. Это было чувство родства, совпадения, которому я не удивилась, но которое как-то по-особому грело. И о величии его таланта думалось светло. Господь наградил его свойством прямого монолога, откровенного – от сердца к сердцу – с людьми. Ведь писатель всегда в монологе. Не зря на Руси великих писателей называют пророками. Они видят наперед, больше того, что для остальных сокрыто за пеленой сегодняшнего дня. Но люди это чувствуют – его правду. Слушают и верят ему.

Не сразу, не по горячему впечатлению, а годы спустя сказала «Первая встреча», посвященная В.Г. Распутину:

*В раздумье голову склоня,
Распутин смотрит на меня
И держит паузу упорно.
Вопрос, конечно, очень спорный –
Мне тоже паузу держать
Иль разговор самой начать?*

*Преодолеть смущенье сложно,
А постараться – так возможно.
Но на замке мои уста,
И сковывает немота.*

*Что я могу сказать такого,
Что стоит одного лишь слова
Распутина? И я молчу.
Так тихо-тихо. Только, чу!*

*Заговорил. О чем? – Бог весть,
Но предо мною он как есть.
Такой, как чувствует душа,
Запомнить этот миг спеша.*

* * *

ВГ был мыслителем от земли русской – отсюда великолепный дар публициста, отсюда же проистекает его несловоохотливость. Мне кажется, что часто у устного рассказчика слова опережают мысль. Но есть чудесные образчики, когда талант писателя сочетается с искрометным талантом рассказчика. И мне сразу вспомнился Владимир Николаевич Крупин, творчество которого задевает мое сердце и которого мне доводилось слушать при частых встречах на «Сиянии России» и при редких встречах в Москве. И греют мое сердце (но не тщеславие) его слова, что моя книжка стихов лежит на его столе и он к ней время от времени возвращается. Вспомнилось, как он рассказывал о первых своих поэтических опытах с улыбкой.

Казалось бы, таких разных, Распутина и Крупина, связывала многолетняя, более сорока лет, крепкая дружба. Сдержанная мужская теплота, как мне виделось, проявлялась скорее в движениях души, в жестах, чем в словах. Хотя, кто знает, о чем они говорили наедине друг с другом? До последнего дня Владимир Николаевич был рядом с Валентином Григорьевичем.

* * *

Валентин Григорьевич от природы – это невозможно в себе воспитать – обладал редчайшей деликатностью. И она проявлялась в тех самых случаях, когда природа, я бы сказала порода Распутина, безошибочно это подсказывала. При этом в нем, казалось бы, сочеталось несочетаемое – эта самая деликатность с твердостью взглядов, с решимостью в поступках, отстаиванием справедливости во всем – в отношениях к людям и к земле-матушке, в словах и в делах.

Чтобы понять, откуда идет вся натура Распутина, достаточно прочитать его рассказ «Уроки французского». Рассказ автобиографический, при этом необыкновенно художественный, наполненный неповторимой интонацией автора. Конечно, все мы – из детства. Но кого-то жизнь ломает, кого-то ничему не учит, кто-то (и очень многие) уходят от своих природных и родовых корней. Распутин – сын своей земли, не просто любящий сын, а болеющий за нее и не только болеющий, но и бьющий в набат, в вечевой колокол о ее спасении. Боец на мировом поле брани. Потому что всем своим творчеством отстаивает общечеловеческие ценности. Вот почему его читают по всему миру. Специалисты берутся за перевод распутинского

слога, непростого, наполненного метафорами и аллегориями, чтобы донести до читателей главное: мир будет жив, если будет жива совесть человеческая.

* * *

Одним из порочных явлений современного мира Валентин Григорьевич считал лживость. Ведь что такое ложь? Это искажение действительности, когда белое называют черным и наоборот, да даже пусть не так резко, но и полутона – большая помеха понять реальность и действовать соответственно ей. Ложь – это сознательное блуждание в тумане, где творятся темные дела. И туман этот с каждым годом всё сильнее сгущается. Он это знал, говорил об этом. Только слышали ли, что мир катится в бездну? На наших глазах узаконивается блуд – телесный и словесный, он был во все времена, но все-таки вне закона. А сегодня идет информационная война на всех фронтах, пострашнее любой другой войны, потому что на корню губятся души тех, кто завтра должен держать мир в своих руках. Души молодые. Им внушается, что то, что казалось срамным и непристойным, на самом деле в порядке вещей. Но не все так доверчивы или слепы. И пока есть человеческое достоинство, которое впитывается с молоком матери и укрепляется мужеством отца, пока жива любовь к отечеству, к его младенцам и старикам, к памяти павших за отечество – мир не рухнет.

* * *

Говорят, Распутин был не улыбочив, несколько отстранен, даже неприступен. Классик. Я знала его другим: сдержанным и внимательным, улыбочивым и с чувством юмора. Знающим цену своему слову, умеющим держать паузу, так смущавшую многих, как и меня вначале. Потом я к этим длиннотам молчания привыкла, и они меня не смущали. Разговор возобновлялся так же естественно, как будто и не прерывался. Распутин ведь вообще по натуре своей не был говорун и оратор. Он был мыслителем, великим писателем. Но никогда свое величие не ограждал неприступностью. Ему не нужно было это ограждение вроде холодной отстраненности от лихих набегов или расслабляющего славословия. Он сам в себе был крепость. И прежде всего крепость духа.

* * *

Последняя встреча с Валентином Григорьевичем была в Иркутске в октябре прошлого года, мы вдвоем с Александром Семеновым пришли к нему домой по его приглашению. Он, как всегда, встретил нас тепло. Слегка похудевший, подтянутый, говорил, что физически чувствует себя нормально, силы есть, только память слабеет. У меня не ёкнуло сердце в предчувствии, что видимся в последний раз, а Саша почувствовал и позже об этом вспоминал. Когда уходили, Валентин Григорьевич сказал: не теряйтесь, будете в Москве, заходите. Мы попрощались. Назавтра Валентин Григорьевич улетал в Москву. О смертельной болезни еще не знал. За пять месяцев сгорел.

* * *

Была еще у нас последняя встреча, уже на отпевании в Храме Христа Спасителя. Господь сподобил нас с Александром Семеновым в этот горький час оказаться в Москве проездом из Иерусалима. Зашли в редакцию журнала «Наш

современник», редактор Станислав Куняев пригласил к себе в кабинет помянуть Валентина Григорьевича. На следующий день мы стояли с народом, который пришел проститься с Валентином Распутиным, сказать ему последнее прости и поклониться. Мы прощались навсегда.

Мы слушали слова Патриарха Кирилла об усопшем, и сердце волновалось и проникалось величием происходящего. Позволю себе привести прощальное слово Патриарха: «История нашей русской литературы явила множество замечательных имен. Писателей, которые отличаются от большинства людей, пишущих художественные тексты, мы называем известными, популярными, выдающимися или великими. Последнее определение дается только тем писателям, которые оставляют особый след в истории литературы, в истории мысли и в духовной истории своего народа. Совершенно очевидно, что Валентин Григорьевич Распутин был одним из великих русских писателей XX века... Самым главным критерием в определении величия писателя является понимание того, что происходит в душе человека после прочтения художественного текста: он становится лучше или хуже, его душа поднимается к небу или расплывается над землей, он возвышает свой дух или разрушает его, приближаясь к образу животного бытия... Валентин Григорьевич Распутин стал великим при жизни, потому что все его творчество пронизано этим стремлением помочь человеку обрести иное видение, поднять его над повседневностью».

* * *

На память от Валентина Григорьевича у меня осталась икона, которую он привез из Иерусалима несколько лет назад и подарил мне по движению души. Просто посреди разговора у него дома в Иркутске он встал и начал искать икону, сетуя, что память слабеет: вот положил, приготовил и забыл, куда. Нашел. Сказал, что вез для меня эту икону со святой земли – Иерусалимскую Пресвятую Богородицу. На последний поклон я пришла к нему в Храм Христа Спасителя, вернувшись за день до его кончины из Иерусалима.

